

Странные и прекрасные вещи происходят с каждым из нас ежедневно. Маленькие истории и значительные события влияют на нашу жизнь, наш характер, нашу судьбу. Ирландский философ, эстет, писатель, поэт Оскар Уайльд однажды сказал, что «...жизнь не делится на мелочи и важные вещи. В жизни все одинаково важно...». Рассказывая истории из своей жизни, мы делимся друг с другом своими воспоминаниями. Они бывают смешными и забавными, грустными и тяжелыми, но все равно остаются для нас важными. Газета «Вести» продолжает публикацию интересных историй из жизни простых людей нашей страны под общей рубрикой «Однажды...».

Однажды на окраине города

Очень хорошо помню тот майский вечер, когда мы с родителями поехали в гости к нашим друзьям, жившим на окраине города. Там на старом телеграфном столбе, стоявшем уже без проводов, находилось огромное гнездо с огромной черно-белой птицей с длинным розовым клювом. От мамы я узнала, что это аист. Родители рассказали мне про аистов красивую легенду. Если какой-нибудь семье хочется завести ребенка, нужно хорошенько попросить аиста, и желание обязательно сбудется, если только аист вернется после зимовки на то же самое место.

Видимо, родители хорошо попросили пернатого «волшебника», и на следующий год у меня появилась сестренка Аленушка. Только вот проверить, вернулся ли аист обратно в то же гнездо, у меня не было возможности.

Накануне выписки мамы из роддома мы с папой всю ночь рисовали праздничный плакат и надували разноцветные шары. Бабушки пекли пироги, варили холодец, которые утром доставили в наш уютный дом. Родственники предпочли остаться в квартире, а мы с папой, вооружившись цветами, отправились за мамой и долгожданной сестричкой.

К тому времени у многих моих друзей уже были младшие братья и сестры, и я, конечно, видела малышей, но при встрече со своей сестренкой сильно волновалась. Папа почувствовал мое состояние и, прежде чем зайти в приемный покой, присел на корточки, крепко обнял меня и сказал, что всегда будет так же сильно меня любить, как сейчас.

Я прижалась к нему и поцеловала в щеку. От папы всегда пахло легким, немного терпким одеколоном, но в тот день он переборщил с парфюмом, поэтому после поцелуя им пахла и я.

Когда мы зашли в больницу, маму уже готовили к выписке. Увидев нас, она широко улыбнулась, немного сморщив свой курносый носик, помахала рукой и попросила подождать еще чуть-чуть. Я стала прыгать от нетерпения, как поплавок на волне, в ожидании, когда обниму маму. Вскоре все формальности были улажены, справки получены, семья вновь воссоединена. Но с тех самых пор я перестала быть единственной звездочкой, которой дарили все внимание, тепло и заботу. Из центра вселенной я превратилась в старшую сестру с дополнительными обязательствами и совсем другим ритмом жизни...

Несмотря на то, что родители и бабушки постоянно рассказывали, как заботились обо мне, внешне казалось, что Аленку любят и балуют больше, чем меня в детстве. Она была настоящей егозой, никогда не сидела на месте, все шалости ей сходили с рук. Однажды папа купил ей шубку из искусственного меха рыжего цвета с черными пятнышками, как из настоящего леопарда. О такой шубке можно было только мечтать. Но Аленка приняла этот подарок как что-то обыденное, вроде куска душистого мыла. Более того, в детском саду она зацепилась подкладкой шубы за забор, через который хотела перепрыгнуть и, освобождаясь от «капкана», оборвала все пуговицы и разорвала рукав. Мне казалось, мама должна была строго наказать неряшливую девочку, но мама просто глубоко вздохнула, сняла с проказницы шубу и принялась ее штопать. Моему негодованию не было предела. Разъяренная я выскочила из своей комнаты и стала возмущаться этой несправедливости, понимая, что было бы со мной, если бы такое совершила я. Мама отложила свою работу, обняла меня, попросила не злиться и попыталась убедить, что любит нас одинаково. Ее слова меня не тронули. Вечером в воспитательных целях Аленка впервые получила от меня увесистую оплеуху за свой дрянной характер.

С тех пор я не ждала справедливости от родителей, а исправляла дефекты воспитания самостоятельно, став для Аленки строгим воспитателем, скорым на расправу. Однажды сестричка сильно простудилась. Папа непременно решил сделать Аленке компресс, но в доме из спиртного оказалась лишь подарочная китайская бутылка водки со змеей, которую папе привез лучший друг-моряк из заграничного «похода». Когда он открыл бутылку и начал растирать больную, от жидкости пошел ужасный запах. Я перепугалась и стала кричать: «Папа выброси эту дохлятину».

Вдруг Аленка стала плакать навзрыд и кричать: «Сестричка не надо, может, я еще выживу». Когда мы перестали смеяться, мне пришлось долго объяснять, что речь шла о змее в бутылке, а не об Аленке, которую мы все любим и никогда не выбросим. Но для себя сделала вывод, что должна быть терпимой к сестре, ведь она действительно была еще очень маленькой.

Аленка пошла в первый класс, когда я перешла в восьмой. Учеба ей давалась легко, словно игра. Она без труда запоминала целые поэмы, на лету хватала математику. Еще в начальной школе стала душой своего класса. Родителям приходилось много работать, чтобы обеспечить нам достойную жизнь, поэтому, став постарше, все родительские собрания Аленки в школе посещала только я. Зная мою тяжелую руку, сестричка никогда меня не огорчала. Тревогу вызывала ее влюбленность в моего одноклассника, который жил с нами по соседству. В школе Женька был просто оболтусом, вечно попадающим в какие-то передраги. Он плохо учился, хулиганил, прогуливал занятия. Я не могла понять, как этот рыжий, конопатый, ушастенький, долговязый проныра мог понравиться моей сестре – она даже его фотографию хранила у себя под подушкой. Все мои рассказы о «подвигах» Женьки не приносили результатов. Если сестра встречала его на улице, расплывалась в улыбке, теряла дар речи и еще долго задумчиво молчала, будто мечтала о своем «принце». После окончания школы Женька поступил в политехнический университет, откуда его отчислили через год за неуспеваемость. После чего двоечника призвали в армию и направили служить в другой регион. Счастью моему не было предела. Я даже решила заглянуть по-соседски к Женьке, чтобы лично удостовериться в отъезде Аленкиной «мечты». Его мама пригласила меня к столу, накрытому по случаю проводов любимого сына. В приподнятом настроении я присоединилась к гостям и за бокалом вкусного вина пожелала Женьке легкой службы. Женька проводил меня и поблагодарил за то, что пришла в гости, поскольку сам не решился меня пригласить. Перед уходом, взяв мою руку, он сказал, что любит меня со школьной скамьи. Мне было смешно это слышать, но в его голосе и взгляде было столько нежности и искренности, что насмешничать я не стала. Напоследок призывник отчеканил, что будет любить меня всегда и обязательно на мне женится. Впервые я не знала, что ответить, поэтому молча вышла из его дома с надеждой, что Женька исчезнет из нашей с Аленкой жизни навсегда. Но у судьбы был совсем иной план...

В институте я пыталась построить отношения с парнем из моей группы, перепутав дружеские отношения с настоящими чувствами. Через несколько лет совместной жизни мы оба поняли, что не любим друг друга. Получив высшее образование, я устроилась на работу по профессии, став прекрасным программистом в большом женском коллективе филиала крупного банка. В шестом классе Аленка захотела быть дизайнером. Каждый вечер я объясняла этой фантазерке, что профессию нужно выбирать с учетом того, как

ее применить в дальнейшей жизни. Но моя творческая сестра обвиняла меня в излишнем прагматизме и жестком сердце, которое не умеет любить. Родители всегда потакали желаниям своей младшенькой дочери, поэтому без сопротивления приняли ее выбор. Спустя два года Аленка нашла какие-то курсы то ли визажистов, то ли дизайнеров и за огромные деньги через одиннадцать месяцев получила «корочку» крутого модельера. Но вскоре оказалось, чтобы применять этот псевдодиплом, нужно еще повысить квалификацию, только уже в другом городе. Мое возмущение, что нельзя повысить отсутствие образования, никто не слышал. Родители с упоением слушали рассказы Аленки о цветовом круге, необходимости правильного комбинирования одежды и т. п. Мама даже сменила гардероб, поменяла прическу. Папа покрасил поседевшие виски. Я смотрела на этот идиотизм и не понимала, как можно так слепо принимать эту дурь.

Благодаря моему «приземленному сознанию», через несколько лет работы в банке я смогла взять выгодную ссуду и купить приличную квартиру рядом с родителями.

Аленка, окончив школу и еще одни курсы модельеров, моталась по выставкам, конкурсам, мастер-классам. Однажды она даже привезла главный приз с какого-то собрания суперстилистов. В обыкновенном салоне красоты она работать не хотела, считала это унижением для себя. Мне было утомительно слушать рассказы о будущих заработках в миллионы рублей, при этом имея в кармане не больше двух тысяч мелкими купюрами и непомерные амбиции в голове. В конце каждого нашего разговора, перерастающего в ожесточенный спор, я предлагала Аленке просто удачно выйти замуж. На что моя упрямая сестра сказала, что выйдет только за того самого Женьку, которого любила до сих пор. Так и случилось. Женьку она отыскала где-то на севере. После срочной службы он остался служить по контракту. Молодая влюбленная яркая Аленка теперь смогла вскружить повзрослевшему бывшему соседу голову. Своей решительностью она захватила его воображение и вскоре была назначена их свадьба.

Из-за моей занятости с ее женихом мы встретились только накануне свадьбы. На меня смотрел возмужавший широкоплечий крепкий молодой мужчина. Мне даже показалось, что возраст придал ему шарма. Я протянула ему руку, он улыбнулся, но вместо рукопожатия заключил в объятия. Мы были рады видеть друг друга, правда, поговорить толком не успели, Аленка стала суетиться по оформлению зала ресторана, костюма жениха и цветов. Я смотрела на Женьку и впервые немного завидовала сестре.

Свадьба прошла на высоком уровне, правда, невеста все время дергалась и

нервничала: то из-за фотографа, то из-за чересчур затянутой церемонии, торта, букета...

Перед тем как уехать из ресторана, я спросила Аленку, уверена она в том, что муж любит ее по-настоящему, она ответила, что ей это не важно, главное, что любит она. Я пожала плечами, но спорить было бессмысленно. Через месяц мне предложили возглавить отделение нашего банка в другом городе. Я без раздумий согласилась и уехала почти на три года.

По телефону от мамы я узнавала все новости о моей родне. Она рассказала, что Аленка проконсультировалась у столичного врача, который поставил ей бесплодие. Он за большие деньги без бумажных проволочек предложил сделать ЭКО (вспомогательная репродуктивная технология, чаще всего используемая в случае бесплодия). Я пыталась успокоить маму, просила подождать пару лет. Но мама сказала, что с Женькой Алена живет очень плохо, и если ребенка не будет, они вовсе разведутся, а Алена этого не переживет. Мама рыдала навзрыд, разговаривать по телефону было бесполезно.

Собрав небольшой чемодан, я приехала в родительский дом.

Вечером на семейном собрании, за исключением Женьки (он был в командировке), Аленка умоляла нас помочь спасти ее брак.

Попытавшись разобраться в ситуации, я поняла, что Женька обыкновенный мужчина с нормальными желаниями. Его стала раздражать богемная жизнь жены: вечно невымытый пол, отсутствие завтрака и ужина (обедал он на службе). Но моя сестра думала иначе. Ей казалось, что мужу просто надоело жить без детей.

На вопрос, а если он все равно уйдет, даже если родится ребенок, Аленка объяснила, что такого не случится никогда. Я смотрела на сестру и видела в ней все ту же капризную эгоистку, у которой даже первыми словами были «дай» и «хочу».

Мама плакала, папа грустно вздыхал, и я сдалась.

Подготовка к ЭКО началась на следующий месяц. Через полгода Алена забеременела, но радость была недолгой. На пятом месяце у Аленки обнаружили лейкоз (рак крови). Врачи долго не говорили причину заболевания, всячески уходили от рассуждений по поводу гормональной терапии перед ЭКО, возможно, разрушительной для людей с определенной группой риска. Главное, нужно было выбрать: жизнь матери или ребенка.

Аленка приняла стойко свой диагноз. Когда мы встретились в больнице, мне показалось, она даже стала старше и мудрее.

Выбор был очевиден для родных – сохранить Аленку, она же решила оставить ребенка, отказавшись от химиотерапии. После проведения УЗИ врачи сообщили, что у нее будет девочка.

Я была крайне удивлена, когда не увидела ни слезинки на лицах моих родителей. Они снова стойко приняли ее решение, не став даже спорить. Вечером я всеми силами пыталась вытянуть их на разговор. Мама внимательно послушала мои эмоциональные речи, потом попросила успокоиться и рассказала, что Аленка родилась мертвой, она появилась на свет с накрученной пуповиной на шее. Но врач реаниматолог не собирался сдаваться. Пока горе-медсестры орали, что мама сама убила дочь, врач от Бога сделал все, чтобы Аленка вернулась на этот свет и закричала. Мама рассказала отцу о происшедшем, родители дали друг другу обещание дать своей воскресшей дочери все, что она захочет. Мама не стала проклинать Судьбу. Она даже благодарила ее за то, что та дала Аленке отсрочку, а родителям возможность увидеть, как их чадо вырастет, повзрослеет, выйдет замуж. Я была далека от этой теории, всю жизнь я боролась, чтобы стать тем, кем стала. И теперь думала о том, что многое в жизни Аленки было просто блажью.

Конечно, я не винила родителей в бессмысленном потакании заигравшемуся дитяте, но свой шанс остаться в живых моя сестра использовала очень странно, непонятно для меня...

Все переменялось в душе, когда я впервые взяла на руки свою племянницу. Этот рыженький комочек с лучистыми карими глазами за одну секунду объяснил мне, зачем судьба сохранила Аленке жизнь, а та в свою очередь до сумасшествия хотела родить ребенка. После родов сестре назначили курс химиотерапии, который она не перенесла. Перед смертью она взяла с нас обещание назвать ее дочь в честь меня. Спорить никто не стал. Женька до последнего вздоха Аленки был с ней рядом, чем вызвал у нас глубокое уважение. Но малышку бабуля отдавать молодому отцу не хотела. Однако Женька оказался настоящим мужчиной и отцом, он не собирался расставаться с дочерью. Я каждый день бегала к нему, чтобы помочь с малышкой. Довольно быстро я поняла, что хочу остаться с ними навсегда. С Женькой мы полюбили друг друга всем сердцем. Племянницу-тезку я считала своей дочерью. С каждым днем я все больше обожала этот рыженький огонек, названный в честь меня.

Спустя полтора года мы с Женей поженились. Еще через шесть лет я снова оказалась на окраине города у друзей моих родителей. Столба, на котором аист много лет тому назад свил свое гнездо, уже не было. Мне стало очень грустно. Но печалиться пришлось недолго. Между двумя брошенными двухэтажными бараками, на одиноком дереве я увидела аиста, сидящего в своем гнезде. Вспомнив красивую легенду об аисте, рассказанную моими родителями, я попросила у него принести мне на следующий год сына. Незаметно для себя я начала шевелить губами и тихо озвучивать свою просьбу, боясь спугнуть элегантную и гордую птицу.

На следующее лето я родила сыночка. Сразу после выписки из роддома попросила мужа съездить посмотреть, вернулся ли аист обратно. Муж немного посмеялся над моей верой в чудеса, но в просьбе все же не отказал. Вернувшись с городской окраины, он отрапортовал: «Аист на месте». Так ли то на самом деле, мне снова не довелось проверить. Да и зачем? Все же получилось, как я хотела...

Ариша ЗИМА